

Борис ДУБИН

Запад, граница, особый путь: символика "другого" в политической мифологии современной России

По мнению 34% нынешних россиян (опрос ВЦИОМ, август 2000 г., N=1574 человек), большинство жителей России "уважительно" относятся к странам Запада; по оценке еще 35%, — в этом отношении нет никаких "особых чувств", оно нейтрально. Такие чувства, как "страх" или "презрение" к западному миру, большинству россиян, по мнению респондентов, абсолютно не свойственны, и лишь для 9% опрошенных относятся сегодня к Западу россияне с "тревогой" (11% затруднились с ответом). Напротив, на Западе, по мнению тех же респондентов, гораздо реже относятся к России спокойно (это отношение отметили 19% наших опрошенных). По оценкам россиян, чувства, с которыми на Западе относятся к России, ярко выражены: преобладает "тревога" — 12%; "презрение" — 21%; но сильнее всего здесь элемент "сочувствия" — 23%; люди Запада выражают россиянам "уважение" — таково мнение лишь 8% опрошенных. Итак, "мы", по нашему мнению, "их" уважаем и относимся к ним в целом спокойно, "они" же из-за "нас" переживают, но чаще презирают, опасаются нас и уж точно нас "не уважают".

При этом люди в зарубежных странах, по мнению россиян, вообще заметно чаще интересуются происходящим в России, нежели россияне (и особенно сам респондент) — происходящим за рубежом. По данным опроса ВЦИОМ в апреле 2000 г. (N=1580 человек), соотношение интересующихся и не интересующихся в этих случаях составляет 48 к 36 (население в странах на Западе интересуется/не интересуется Россией), 40 к 44 (в России интересуются/не интересуются происходящим на Западе) и 37 к 61 (сам респондент интересуется/не интересуется происходящим на Западе). И в первом, и во втором из приведенных случаев налицо ошутимая асимметрия оценок себя и другого. Психолог усмотрел бы в этом расхождении перспектив явный эмоциональный "перенос". Какие вытесненные, замещенные, скрытые от самого респондента проблемы видятся за этим социологу?*

От эйфорических надежд к комплексу преследования. В России на рубеже 80—90-х годов в общественном мнении и в средствах массовой коммуникации действительно наблюдалась весьма высокая оценка развития экономики и политических установлений, образа жизни в целом, присущего западному обществу (на примере прежде всего Японии и США). Контражуром для нее служила быстро распространившаяся в конце 80-х годов крайне негативная оценка экономических и политических институций СССР, всего советского опыта (в 1989 г. ее поддерживали порядка 40% опрошенных, еще примерно столько же, даже чуть больше, затруднились с ответом)**. В конце 1991 г. 60% из 6585 опрошенных оценили западный образ жизни положительно (11% — отрицательно, 28% затруднились с ответом)***. Эта тенденция ощущалась еще в 1992 г., хотя показатели позитивных ориентации на стра-

* На примере массовых оценок российского внешнеполитического курса вопрос о взаимоотношениях России и Запада рассматривался в: Бочарова О., Ким Н. Россия и Запад: Общность или отчуждение? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 1. С. 41–45. Меня здесь будет интересовать сама "мифологема" Запада и ее функциональное значение в структуре коллективной идентификации российских респондентов.

** См.: Есть мнение! М., 1990. С. 284.

*** См.: Там же. С. 95–99.

ны Запада уже начали снижаться и, напротив, стала быстро расти доля затрудняющихся с ответом на подобные вопросы (табл. 1).

Таблица 1

На какие страны нужно прежде всего ориентироваться России при выборе пути развития?
(в % от числа опрошенных при каждом замере; респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов)

Страна-ориентир	1991 г. (N=985 человек)	1992 г. (N=961 человек)
Западная Европа	30	24
Восточная Европа	4	4
США	33	28
Япония	31	25
Южная Корея	7	7
Страны ислама	1	2
Затрудняюсь ответить	32	45

Однако уже к 1994 г., а особенно к 1995 г., композиция оценок россиянами "западного" и "своего" резко изменилась. На это повлияли многие факторы: последствия гайдоровских реформ (резкий рост цен, девальвация сбережений; проявления социальной дифференциации, непонятной и нестерпимой для уравнительного сознания подавляющего большинства); резкий отход президента от ключевых фигур реформаторов, а тем самым — от поддерживающих их наиболее активных, квалифицированных, успешных слоев общества; идейное разложение массовой интеллигенции и ее уход с политической и социальной авансцены; наконец, растущая изоляция России в мировом общественном мнении (в связи с жесткой эльцинской тактикой подавления октябрьского путча 1993 г. и растущей "неуправляемостью" первого лица России, началом чеченской войны, значительно усилившимися позициями "силовиков" в руководстве страной)*. Действуя порознь, но резонируя между собой, эти и другие процессы дали среди прочего парадоксальный результат. Преобладающая часть населения России, вопреки хорошо разыгранной панике коммунистической пропаганды и масскоммуникативным штампам относительно "раскола" страны, но вместе с той же, как будто бы не вызывавшей у него доверия властью, с потерявшей социальный статус и монопольный культурный авторитет интеллигенцией, даже, как ни странно это на первый взгляд, с набравшей собственную силу региональной властью (при заметном ослаблении федерального центра) явно усилила ориентации на символы национального целого, державного престижа, окрашенного в ностальгически-радужные тона советского прошлого.

Воплощением уравнительных социальных идеалов патерналистски ориентированного большинства стала — по контрасту с еще совсем недавними, но уже негативно переоцененными временами М.Горбачева и Б.Ельцина — "эпоха Брежнева". Негативная переоценка обоих реформаторов в руководстве СССР, а затем Россией шла параллельно с такой же — по направленности и темпам — переоценкой "Запада": и за тем и за другим стояло массовое разочарование во вчерашней массовой же эйфории. Самобичевание конца 80-х годов трансформировалось в самонаказание 1993–1995 гг., которое переложили на символические фигуры ближайших "виновников"; соответственно

* См.: Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 6. Сводные данные международного исследования (весна 1995 г.) об отношении населения 42 стран к России, Китаю, США, Японии и Германии.

Согласны ли Вы с тем, что западная культура оказывает отрицательное влияние на положение дел в России?

(в % от числа опрошенных при каждом замере)

Вариант ответа	1996 г. (N=1700 человек)	1997 г. (N=1693 человек)	1998 г. (N=1600 человек)	1999 г. (N=1708 человек)
Полностью согласен	24	31	36	29
Скорее согласен	24	22	25	22
Скорее не согласен	24	22	22	23
Целиком не согласен	12	13	11	13
Затрудняюсь ответить	16	12	6	13

на еще совсем недавнее горбачевско-ельцинское время россияне перенесли и свою прежнюю нищету, униженность и бесправие десятилетий советской жизни. В табл. 2 и 3 приведены данные, отражающие, как год за годом менялись российские оценки Запада в его отношении к России.

Таблица 2

Согласны ли Вы с тем, что Запад пытается привести Россию к обнищанию и распаду?

(в % от числа опрошенных при каждом замере)

Вариант ответа	1994 г. (N=1700 человек)	1995 г. (N=1989 человек)
Полностью согласен	27	35
Скорее согласен	19	20
Скорее не согласен	25	14
Целиком не согласен	14	8
Затрудняюсь ответить	15	23

В сентябре 1996 г. (N=2430 человек) уже 20% опрошенных ответили, что их соотечественникам стоит ориентироваться сегодня на советский образ жизни, 47% — на "традиционный русский" и лишь 11% — на западный (22% затруднились с ответом). В следующем, 1997 г., из 1600 россиян, отвечавших на вопрос о том, кем по отношению к России выступают сегодня крупнейшие западные страны (США, Германия, Великобритания, Япония и др.), 28% назвали их "партнерами России, имеющими с ней общие интересы", а 51% — "противниками России, которые стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам" (21% затруднились с ответом). За вторую половину 90-х годов ко многим россиянам как бы вернулось прежнее, казалось, во многом забытое чувство "осажденной крепости".

Таблица 3

Вы согласны, что Россия всегда вызывала у других государств враждебные чувства, что нам и сегодня никто не желает добра?

(в % от числа опрошенных при каждом замере)

Вариант ответа	1994 г. (N=2957 человек)	1995 г. (N=1580 человек)
Совершенно согласен	18	28
Скорее согласен	24	38
Скорее не согласен	26	21
Целиком не согласен	12	6
Затрудняюсь ответить	20	7

"Страх влияния"*. Если взять несколько иную, внешнегосударственную и внешнеполитическую плоскость самоидентификации, то это укрепляющееся в массе недоверие к Западу выразилось у россиян в своеобразном чувстве собственной "ненадежности". Речь идет о довольно непростом механизме проективной самоидентификации и символического дистанцирования — сознании своей заранее предугадываемой "слабости", недоверчиво отгоняемой от себя мысли о своей уязвимости, медиумической податливости по отношению к "отрицательному воздействию" Запада, даже к самой возможности такого влияния, к простой мысли о нем (табл. 4).

* Название нашумевшей в свое время книги американского филолога психоаналитической ориентации Хэролда Блума ("Anxiety of Influence", 1973).

Разберем эту конструкцию немного подробнее, она является принципиальной и во многих отношениях несущей для всей антропологии советского и постсоветского человека (характерна стабильность в распределении оценок, представленных в табл. 4). Сознание своей несамостоятельности, производности собственных определений от обобщенного, "главного" символического партнера вызывает у респондентов недовольство и раздражение. Фрустрация и ресантимент — функциональные следствия неразвитости в обществе самих структур воображаемого партнерства. Иначе говоря, они укоренены в символическом производстве его интеллектуальных "элит", в совокупных культурных ресурсах данного общества, предопределяющих характерный дефицит референтных инстанций, бедность социальных связей и социального воображения*. Эти негативные чувства тем острее, чем менее они доступны рационализации и чем меньше респондент хотел бы считать ответственным за них самого себя. Напротив, он разгружает себя от подобной ответственности, перенося вину за свое самочувствие на того же партнера (или замещающие его фигуры) и как бы наказывая этим виновника за собственную от него зависимость — "подлинную" или "выдуманную", в данном случае неважно, поскольку речь идет о структурах сознания и их "внутренней" работе. Социальное партнерство для носителей подобного менталитета возможно и понятно лишь как акт символической солидарности "одинаково зависимых" (в типовой ситуации и по парадигматической модели "ты меня уважаешь?"). Все формы действия и типы обосновывающих их инстанций, выходящие за пределы подобной символической интеграции в обделенности ("равенства в рабстве", по выражению Токвиля), воспринимаются исключительно в негативном залоге — как обременительные, а "другой", обобщенный партнер заранее и заведомо ощущается как нежелательный**.

Характерно, что соответствующими эпидемическими свойствами наделяется, например, пресловутое "окно в мир", телевидение. Россияне весьма вовлечены в телезрители: по данным сравнительного исследования "Потребители" в 1997 г., они явно опережали опрошенных в США, бывших странах "восточного блока" (Польша, Чехия, Венгрия) и бывших же республиках Советского Союза (Казахстане) по доле смотрящих телевизор "часто" и очень часто", как и по удельному весу желающих смотреть его (особенно эстрадные концерты, юмористические шоу, зарубежные "мыльные оперы" и советские фильмы! прошлых лет) "еще больше". Вместе с тем к телевидению

* См.: Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 5. С. 35-44.

** См.: Дубин Б. О привычном и чрезвычайном // Неприкосновенный запас. 2000. № 5 (13). С. 5-8.

В какой мере лично Вас интересует история различных стран, культура разных народов?
(в % от числа опрошенных в каждой социально-демографической группе, 1999 г.; N=3007 человек)

Социально-демографическая группа	Скорее интересует	Скорее не интересует
В целом	50	46
<i>Возраст:</i>		
до 24 лет	49	49
25-39 лет	53	43
40-54 года	53	43
55 лет и старше	45	52
<i>Образование:</i>		
высшее	65	30
среднее	50	46
ниже среднего	37	62
<i>Типы поселений:</i>		
Москва	58	38
большой город	51	46
малый город	45	51

у россиян имелось немало претензий: очень многим оно не нравилось, большинство раздражало, как информационному источнику ему доверяли крайне слабо. При этом недовольство телевидением в сочетании с зависимостью от него*, среди прочего, превращалось в уверенность преобладающей части россиян, что сегодняшнее телевидение "целенаправленно разрушает русские традиции, насаждает чуждые народу западные идеалы". В июле 1996 г. (N=2404 человек) эту последнюю оценку, элементарную реакцию вытеснения и переноса, разделяли 51% опрошенных, не согласились с ней 33% (16% затруднились с ответом).

"Человеческий материал": чувство непринадлежности к общему и растущая незаинтересованность в "Другом". На материалах международного сравнительного исследования более чем в 40 странах уже приходилось отмечать весьма низкий уровень заинтересованности россиян абсолютным большинством тем и проблем, которые в той или иной, но всегда значительной мере волнуют людей в крупнейших странах мира. Единственным исключением тогда оказалось все то, что относится к необычным явлениям и сверхъестественным целительным способностям. Парапсихология, НЛЮ, равно как магия, сглаз, астрология и хиромантия вызывали у россиян интерес гораздо больший, чем в развитых странах мира, но сближавший ее со странами, например, Латинской Америки**.

По данным более позднего опроса (1999 г., N=3007 человек), интерес к "большому" миру даже в том, что касается разнообразия культур, истории цивилизаций, оказался несколько выше — что и понятно, поскольку опрашивалось только городское население, — но в общем он остался вполне скромным. Культура вне специальных помет "классического" и "державного" для среднего россиянина не существует: она непонятна и невыразительна. Некоторый рост подобного интереса к культурному многообразию мира наблюдается, естественно, в группах с высшим образованием, среди жителей Москвы, но в целом доминирующая установка дифференцируется по группам весьма слабо (табл. 5).

Нарастающая во второй половине 90-х годов авария самоопределения сопровождается ясным для трех пятых и даже для двух третей россиян сознанием, что за годы советской власти изменилась сама "природа" российского человека, что он теперь не просто не похож на "западного", но что эти перемены необратимы и образец недостижим ("чувство опоздавших"). По данным опроса в 2000 г. (N=1580 человек), эта ценностная установка (напомню, что это как бы экспертное суждение об окружающих других, а не о самом себе, т.е. выражение общепринятой нормы оценки) тоже весьма слабо дифференцируется по социально-демографическим группам. Некоторое, не

* Точнее, конечно, видеть в недовольстве и зависимости (соединение, базовое едва ли не всех социальных отношений нынешних россиян) разные проекции одной проблемы или одной травмы — социальной неполноправности, неподвластности респонденту его собственной жизни, что выражается здесь в его зрительской пассивности. В данном частном случае техническая возможность переключать каналы при крайне слабом их отличии одного от другого, отсутствие конститутивного для личности момента выбора мало что меняет и, несколько смягчая для реципиента чувство привязанности к экрану, скорее служит символическим условием, барьером или фильтром, своеобразным "пропуском" индивида (его семьи) в систему массовых коммуникаций.

** См.: Дубин Б., Зурабшвили Т. Досуговые интересы и индивидуальные склонности // Экономические и социальные перемены... 1996. № 1. С. 28-32. Там же отмечался и растущий ностальгический интерес россиян к советским фильмам прошлых лет, советской символике "классического" периода и т.п.

Таблица 6

В какой мере Вы согласны со следующим суждением: за 75 лет советской власти наши люди стали другими, чем в странах Запада, и этого уже не изменить?
(в % от числа опрошенных в каждой социально-демографической группе)

Социально-демографическая группа	Согласны	Не согласны
В целом	68	21
<i>Возраст:</i>		
18-24 года	62	29
25-39 лет	66	23
40-54 года	70	20
55 лет и старше	70	16
<i>Образование:</i>		
высшее	66	30
среднее	70	22
ниже среднего	66	17
<i>Типы поселений:</i>		
большой город	68	23
малый город	68	21
села	68	18

слишком значительное смягчение подобного "аутизма" наблюдается лишь у самых молодых и наиболее образованных респондентов (табл. 6).

"Русский путь". Характерно, что уже к 1994 г. в массовом сознании и коллективном словоупотреблении, в агрессивной-защитной риторике отечественных масс-медиа вновь стал укореняться возвращенный слоган "особого пути" России, через неотрадиционалистов 60-80-х годов восходящий к российским евразийцам, почвенникам и, наконец, славянофилам XIX в.

Более того, доля придерживающихся подобной оценки перспектив развития России к этому времени достигает

Таблица 7

С каким из двух приведенных ниже высказываний о путях развития России Вы в большей степени согласны?
(в % от числа опрошенных при каждом замере)

Вариант ответа	1994 г. (N-2959 человек)	1995 г. (N-2983 человек)
России следует идти путем других развитых стран, осваивая опыт и достижения западной цивилизации	22	19
Исходя из истории и географии России, лежащей на стыке Европы и Азии, ей нужно идти особым российским путем	52	59
Затрудняюсь ответить	25	22

Таблица 8

С каким из двух приведенных ниже высказываний о путях развития России Вы бы скорее согласились?
(в % от числа опрошенных при каждом замере)

Вариант ответа	1989 г.*	2000 г.
Россия отстала от большинства передовых стран	72	50
Россия всегда была в числе первых и не уступит этой роли	2	10
Россия развивается по своему, особому пути	11	34
Затрудняюсь ответить	14	6

* Формулировки подсказок условно приравнены к формулировкам в опросе 2000 г.

уровня величин, на котором удерживается позднее вплоть до нынешнего дня (табл. 7).

Напомню, что в конце 80-х годов на "особый путь" и "собственные достижения" ссылались лишь 11% опрошенных. Сравним тогдашний расклад данных с композицией оценок, полученных в 2000 г. уходящего столетия (табл. 8)

Позднее, на протяжении всей второй половины 90-х годов, по данным исследований ВЦИОМ, около четверти взрослого населения России устойчиво "относили себя к европейцам" (чаще других это делали россияне моложе 24 лет, с высшим образованием, жители Москвы и С.-Петербурга). Вдвое большую группу (55–57%) столь же устойчиво составляли те, кто, по их уверениям, "никогда не ощутили своей принадлежности к истории и культуре Европы" (остальные затруднялись с ответом). При этом ни крупнейшие страны Запада, ни **промышленно** развитые страны Востока (Япония, тихоокеанские "тигры"), не говоря уж об исламских государствах, для абсолютного большинства россиян не

являли собой образца привлекательного развития. Поддержку этим моделям высказывали в лучшем случае от одной пятой до одной четверти россиян, тогда как до трех пятых наших соотечественников в 90-х годах считали, что у России "свой, особый путь". Так, отвечая на вопрос о том, на чей опыт следовало бы ориентироваться России при продолжении реформ (2000 г.; N=1595 человек), 3% избрали в качестве ориентира Южную Корею и других восточных "тигров", 7% — коммунистический Китай, 14% — США и страны Западной Европы, а 63% согласились с тем, что нужно "не подражать чужим образцам, а глубже изучать исторический опыт России, следовать ее традициям и особенностям"; 13% затруднились с ответом (сравните эти данные с цифрами, приведенными в табл. 1).

Вероятно, некоторые характеристики этого "пути" можно отчасти представить, опираясь на косвенные данные о предпочитаемой большинством россиян экономической и политической модели общества (табл. 9 и 10).

Таблица 9

Какая экономическая система кажется Вам более правильной?
(в % от числа опрошенных при каждом замере)

- 1 — основанная на государственном планировании и распределении;
2 — основанная на частной собственности и рыночных отношениях;
3 — затрудняюсь ответить.

Вариант ответа	1997 г.			1998 г.			1999 г.			2000 г.
	N=2406	N=1600	N=1593	N=1714	N=1600	N=1600	N=1581	N=1600	N=1600	N=1580
1	37	39	43	50	45	47	48	48	51	52
2	28	36	40	34	35	32	34	34	34	33
3	35	25	17	16	20	21	17	18	15	15

Таблица К

Какая политическая система Вам кажется лучшей?
(в % от числа опрошенных при каждом замере)

Вариант ответа	1997 г. (N=1600 человек)	1998 г. (N=1600 человек)	2000 г. (N=1600 человек)	2000 г. (N=1580 человек)
Советская, которая была у нас до 90-х годов	45	43	45	42
Нынешняя	9	5	13	11
Демократия по образцу западных стран	26	32	29	26
Другое	7	7	4	4
Затрудняюсь ответить	13	13	8	17

С каким из приводимых ниже утверждений Вы скорее согласны?
(в % от числа опрошенных при каждом замере)

Вариант ответа	1989 г. (N=1250 человек)	1994 г. (N=2959 человек)	1995 г. (N=2983 человек)	1996 г. (N=2430 человек)
Нашему народу постоянно нужна "сильная рука"	26	35	34	37
Бывают ситуации, когда власть в стране надо сосредоточить в одних руках	16	23	27	31
Нельзя допускать, чтобы власть в стране сосредоточилась в руках одного человека	45	23	24	18
Затрудняюсь ответить	13	18	15	13

Таблица 12

Русский путь под твердым руководством
(в % от числа опрошенных в каждой группе, приводятся лишь полярные позиции
без учета затруднившихся с ответом)

Суждение	Твердые сторонники "сильной руки"	Твердые противники "сильной руки"
Россия отстала от большинства передовых стран мира	50	61
Россия идет по особому пути, и ее нельзя сравнивать с другими странами	36	27
Россия должна идти по общему пути европейской цивилизации	13	21
Россия должна идти по своему, особому пути	65	60

Как видим, с каждым годом растет привлекательность советской централизованно-дефицитарной, планово-распределительной модели. Доля симпатизирующих, по их словам, рыночной экономике колеблется вокруг трети опрошенных. Суммарные предпочтения в области политического устройства (речь, конечно же, идет о некоторых предельно обобщенных популярных имиджах политических систем, транслируемых через масс-медиа) более устойчивы: здесь советская модель доперестроечного типа явно преобладает. Можно сказать и по-другому: перемен в политике россияне ждут и хотят еще меньше, чем в экономике, поскольку в большинстве своем ничего позитивного с ними не связывают.

Еще более показательную, хотя и косвенную, характеристику этого воображаемого "пути" дает, возможно, ответ на вопрос о самой способности россиян самостоятельно двигаться по подобным маршрутам (табл. 11).

При этом между тягой к "сильной руке" и предпочтением "особого пути" есть хотя и не ярко выраженная, но явная положительная связь. Напротив, противники железного порядка в среднем чаще согласны с тем, что Россия явно отстала от большинства развитых государств и ей следует выходить на общий путь развития западной цивилизации (табл. 12).

Вместе с тем из данных табл. 12 видно, что аналитически разведенные нами идейные позиции не соотносятся с разными, "принципиально непримиримыми" группами, а характеризуют два относительно разных, но сопряженных плана оценок, которые различаются лишь до известной степени и, вероятно, находятся в определенной зависимости от формулировки вопроса, отражающей ту или иную систему предпочтений респондента (близость ответов в последней строке показывает это с наибольшей ясностью). Видимо, поэтому в умах россиян, как в мечтах гоголевской героини, чаще всего соединяются самые разные предпочтения, включая, казалось бы, вовсе не сочетаемые. Собственно проблема реального и бесповоротного выбора — не только исторического, для страны, но и индивидуального, для себя — при этом, как можно видеть, чаще всего не встает, а мечтать на манер другого гоголевского героя, Манилова, никому не возбраняется. Приведем распределение ответов на вопрос *"Хотели бы*

Вы жить в России так, как живут люди на Западе?"
(в % от числа опрошенных; 1999 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Да	48
Нет	34
Затруднились ответить	18

Приведем распределение ответов на вопрос **"Какая идея относительно будущего России из приведенных ниже наиболее привлекательна лично для Вас?"** (в % от числа опрошенных, респондент мог выбрать несколько вариантов ответов; 1999 г.; N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Россия должна быть государством русского народа	22
Россия должна быть многонациональным государством равноправных народов	43
Россия должна вернуться к социалистическому строю	20
Россия должна возродиться как мощная военная держава в границах бывшего СССР	37
Россия должна быть государством с рыночной экономикой, демократическими свободами и гарантией прав человека	46

Как видим, об "особом пути" России эмпирическому социологу удастся узнать довольно мало содержательного. Причем для преобладающей части опрошенных этот путь, если основываться на приведенных выше данных, представляется исключительно в категориях повторения уже пройденного и знакомого. И то и другое обстоятельства важны и требуют истолкования. На наш взгляд, значение категории "путь" для данного случая лежит в плоскости не эмпирического, а символического. Эта категория — один из элементов в конструкции современного мифа российской исключительности.

О современных мифах. Миф в доисторической архайке, в традиционных обществах — это ритуальное испол-

нение акта начала времен, изображение изначальной "полноты", а позднее — повествование об этом. Поэтому всякий миф призывает к первоначальному целому, как бы возвращая к "истокам" и спланивая участников этого коллективного переживания. Этому соответствует предельно высокий ранг героев мифа и особый, чрезвычайный характер ключевых событий, образующих структуру мифологического повествования и происходящих "в начале", а потому "везде и всегда". Подобные принципиальные характеристики, которые генетически восходят к архаике и проходят впоследствии интеллектуальную обработку в идеологии, искусстве, социальных философиях, миф сохраняется и впоследствии, уже в посттрадиционную эпоху*.

Вообще говоря, периоды наиболее активного порождения, "выброса" коллективных мифов в постархаические времена всякий раз характерны для фаз распада единого образа мира, казавшегося устойчивым и вечным. Таков постклассический, эллинистический Рим с христианством, митраизмом и гностическими сектами. Таков, вслед за Средневековьем и схоластикой, Ренессанс с его герметическими фантазиями, оккультизмом, астрологией, алхимией и пр. Такова, вслед за систематикой Просвещения, романтическая эпоха с ее сведенборгианством, месмеризмом и френологией. Таков, теперь уже после позитивистской систематики, "конец века" с его богоискательскими мифами (теософией, "паломничеством в страну Востока" и пр.), а параллельно — фрейдизмом, юнгианством, нарождающимся нацистским мифом.

Значение мифа для современной эпохи (начиная, условно говоря, с темы "гибели богов" у Вагнера и Ницше, довершающих и разрушающих здесь идейное наследие немецких романтиков), в том числе для социально-философской мысли XX в. от Сореля и Тарда через Дюркгейма, Ортегу и Хейзингу, фрейдистов и Франкфуртскую школу, определяется двумя моментами, задающими социальный масштаб этой проблематики для всего столетия. Это, с одной стороны, соединение тематики мифа с проблемой социальной "массы", с другой — сочленение его с проблематикой технического ("планирующего") разума, технической утопии, "всевластия" техники. Речь идет о мобилизационной силе социальных мифов ("идей, овладевающих массами", или "утопий, которые сбываются"). Рядом с "мифом" в социальных философиях XX в. встают, больше того — с ним срастаются "массы" ("средний человек", "культ посредственности" — по Ортеге, "грядущий хам" — по Мережковскому, набоковские "пошляки", центавские "читатели газет") и "машина" ("техника"). На скрещении этих проблемных линий, кстати говоря, рождается в ее социокультурной обусловленности сама проблематика "массовых коммуникаций", включая идеи "технического манипулирования", мажорновской "всемирной электронной деревни" и пр.

Вообще говоря, те или иные целостные образы коллективного "я", которые соотносятся с недостижимым, вневременным началом (как и неотвратимым, вневременным же концом, будь то Страшный Суд, угроза атомной войны или даже "не взрыв, но всхлип" Элиота), присутствуют в сознании людей, в массовом обиходе и политической практике всех эпох и культур Нового времени, конституируя для них уровень высших, предельных санкций. Важно, в какие структуры, какими группами и для каких

задач эти архаические или традиционные элементы берутся в работу, какую смысловую огранку при этом проходят и какую социальную роль в данное время играют, каков их удельный вес среди других по типу коллективных и индивидуальных представлений. В частности, какие смысловые, культурные "этажи" надстроены, условно говоря, "над" ними.

В истоке, традиции, прошлом миф — это цельная картина или развитое целостное учение, имеющее космологические претензии на объяснение *всего*, со своей системой верований, символикой коллективной принадлежности и инициации, набором ритуалов и пр. В современную эпоху мы, видимо, имеем дело с принципиально другим — с семантически переосмысленными и функционально трансформированными значениями "целого" и "изначального". Чем ближе к нам по времени, тем в большей степени мифы выступают в роли символических связок для разнородных верований: переходов и спаек при их соединении, шифров для складывающихся при этом семантических комплексов (это значения значений, значения второго порядка). Они целостны в том смысле, что обозначают целостность, отсылают к ней. К тому же они персонифицированы, т.е. репрезентируют группы, социальные силы, целые общества как своего рода "живые существа". Причем существа разной природы: животной, механической, человеческой (как в метафорах общества, в образах которых "мифы" чаще всего и являются; это альтернативные, еще или уже не признанные, вытесненные метафоры социального целого, которые конкурируют с победившими, господствующими).

Выступая компонентами ориентации, самообоснования и самоистолкования, мифы являются ценностной рамкой, связывающей различные, гетерогенные нормативные представления и оценки. В этом смысле в мифе стоит выделять план "семантический" (образы, фигуры, "сюжеты") и план "синтаксический", функция которого — соединение разнородных представлений и придание им целостного характера, а тем самым доведение их до уровня значимости, согласованной и осмысленной реальности. Иначе говоря, согласуя различные нормативные представления и оценки, мифологические конструкции выступают рамкой осмысления, самим уровнем смысла для сегментарных семантических порождений, рудиментов традиционного и привычного, новообразований и пр., которые теперь предстают аллегориями, экземплификациями действий различных надчеловеческих или более чем человеческих сил и сущностей (их набор и образует новый мифологический пантеон). Тем самым различные компоненты действия актора, актуальных для него "других", их групп и слоев посредством смысловой обработки превращаются в символических героев и их жизненные сценарии. Можно поэтому говорить не только о содержательных функциях мифов (символическое конституирование и поддержание рамок идентификации и ориентации той или иной общности), но и об их "формальных" функциях — тотализации и стилизации значений, идей, верований.

Тогда политический миф выступает опосредующей символической системой или уровнем символической ре-
дукции, которые делают **представимым** (репрезентируемым, "видимым", знакомым) элементы, осколки, радикалы: **модели** ценностно- и целерационального политичес-
кого поведения, иначе не опознаваемые и не усваиваемые членами большого сообщества, обществом как "массой". Другими словами, подобный миф — это норма репрезентации ценностей национальной символической консолидации (например по каналам **масс-медиа**) либо норма значения, восприятия тех или иных конкретных действий политиков и политических сил в пер-

* *Baczko B. Les imaginaires sociaux: Mémoires et espoirs collectifs. P., 1984; Political Mythology and Popular Fiction. N.Y., 1988; Citron S. Le mythe national. L'histoire de France en question. P., 1989; Girardet R. Mythes et mythologies politiques. P., 1990; Хюбнер К. Миф в современной политике // Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 325-341.*

спективе всех", "всех как одного — смысловая проекция этих действий на уровень массовой политики, массовой политической культуры*.

А это означает, что политические мифы суть продукты масс-медиа, точнее, той эпохи и той констелляции социальных сил, которая вызывает к жизни и сами масс-медиа, делая их функциональными, работающими. У них общая социокультурная почва или среда — постсословное, модернизирующееся или модернизированное общество с его так или иначе "публичной" политикой, "современными" коммуникативными средствами, определенным "средним" уровнем массы (образовательным, доходным, цивилизационным и пр.) В зависимости от фазы и характера модернизации общества (особенностей и пропорций соединения современного и традиционного в нем) его идеологические группы будут производить либо акцентировать различные мифы. Для России это миф о границе (или, в ином развороте, о Западе), о своем, "русском пути" (или "судьбе России") и особом, русском, советском, а теперь — российском человеке (и коррелятивном с ним образе властителя и спасителя)**.

К типологии современного мифа. В принципе в первом приближении можно типологизировать современные мифы по нескольким основаниям:

по содержанию, составу и генезису компонентов — от познавательно-мировоззренческих элементов и функций до идеологических, властно-статусных (в конечном счете политических и национальных). Среди них будут, например, собственно социальные или цивилизационные мифы (скажем, у прерафаэлитов с их новым средневековьем), мифы об иных мирах (земных или космических, как исчезнувших, так и "будущих" с их пришельцами, "таинственными существами" и пр.); неорелигиозные (богоискательские — теософские и антропософские; спиритизм; движения вокруг и по поводу духовидцев Нового и новейшего времени начиная со Сведенборга и Блейка; "старые" религии или практики в "новом" мире — вроде каббалы, астрологии, оккультизма и пр.); национальные (национально-культурные автопредставления, включая локальные — миф фронтира в США, Наполеона во Франции и пр.); мифы о других культурах (западный, прежде всего американский битнический, миф о дзен, тибетская мифология в эзотерических художественных кружках и молодежной субкультуре; латиноамериканская мифология в Европе; негритюд у Сартра и левой молодежи 60-х годов; кельтская мифология, не без влияния Толкина; мусульманская, в частности суфийская, в современной Европе); конспирологические мифы (о всемирном заговоре, тайных силах и пр.); миф о бессознательном (современный теософским мифам и обозначающий "конец Просвещения", как герметический миф обозначал конец схоластического, рационалистического Средневековья); миф машины, технократический миф (у Юнгера, Мамфорда и пр.); "миф XX века" А. Розенберга, его единомышленников и последователей; досуговые, масскоммуникативные мифы (туристический, спортивный***, медицинский — гигиенический, всеобщего здоровья и т.п.);

* *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.

** Некоторые пункты коллективного социологического проекта исследования мифологических рамок коллективной идентификации россиян были представлены в январе 1999 г. на VI симпозиуме "Куда идет Россия?.." в рамках отдельной секции (сообщения Ю.Левады, Л.Гудкова, Б.Дубина). Краткое изложение и некоторое уточнение их см.: *Дубин Б.* Зеркало и рамка: Национально-политические мифы в коллективном воображении современной России // *Знание—сила.* 1999. № 9/10. С. 51-58.

*** *Ленх Х.* Спорт как современный миф // *Религия, магия, миф: Современные философские исследования.* М., 1997. С. 156-179.

по социальному контексту, масштабу и использованию — от кружков до национально-политических движений;

по характеру самоопределения и функционального самопонимания выдвигающих групп, соответственно — консервативно идеологические (ностальгические), миссионерски-утопические, мобилизационные, защитно-компенсаторные и пр.

Русский миф. Запад в конструкции русского мифа не только не обозначает те или иные страны в их социально-исторической конкретике, но даже, может быть, содержит в себе лишь минимальное, чисто апеллятивное указание на обобщенного партнера, "значимого другого". Запад здесь — это фактически синоним пределов мира, границы собственной идентичности, которая (граница), как ни парадоксально, проведена "извне", поскольку Запад — отмеченная смысловая точка, а Россия — феномен производный, представляемый лишь в негативной форме, в категориях непринадлежности к Западу. Сосредоточенность на границе, как и ностальгическая сосредоточенность на прошлом в данном и подобных ему случаях, символизирует усилие аутического самососредоточения, самозамыкания. Но это лишь усилие, поскольку содержательных значений, смысловых императивов осмысленного действия, которые могли бы стать обобщенными образцами, ни на границе, ни в глубинке (в том числе — в глубине прошлого) нет. Обнаруживаемые там значения и фигуры снова отсылают к той же неуниверсальности, выступают еще одним тавтологическим обозначением непринадлежности к общему*.

В этом — функция и смысл компенсаторной ностальгии по прошлому "великой державы" и "благополучию" брежневской эпохи, по соответствующим героям и символам из курса средней школы (это прежде всего император — Петр I, полководцы — А.Суворов, М.Кутузов, Г.Жуков, поэты и ученые, воплощающие превосходство России, — А.Пушкин, Д.Менделеев; Ю.Гагарин и С.Королев, чьи фигуры символизируют "народ", "людей из народа", "глубинки" и т.п. в образе властителей космического пространства)**). По происхождению и функциональному приложению русский миф и его составляющие (историческая "миссия" страны, исключительная высота ее духовности и культуры, особые качества российской — русского, советского — человека, ни с какими другими не сравнимые тяготы существования в прошлом и настоящем***) связаны не с национально-культурным сообществом, а с завоевательно-имперским целым России и затем СССР. Лишь в силу дефицита других универсально-значимых достижений страны, которыми можно было бы гордиться ее гражданам (ими, например, могли быть политические и судебные институты, достижения науки, передовые технологии, уровень экономического развития и социального обеспечения, авторитет и влияние на ми-

* Разными уровнями (планами) ее семантики, которые в эмпирическом исследовании социолога или культуролога требуют каждый раз особой развертки и экспликации, будут, например, апофатическая непредставимость и несказанность "изначального", допускающих репрезентацию лишь в отрицательной либо иносказательной форме; запрет на уподобление другому (императив "остаться собой"); сознание своей непохожести, неповторимости, уникальности и др.

** См.: *Дубин Б.В.* Прошлое в сегодняшних оценках россия // *Экономические и социальные перемены...* 1996. № 5. С. 28-34; *Он же.* Конец века // *Мониторинг общественного мнения...* 2000. № 4. С. 13-18.

*** В опросе 2000 г. (N=1580 человек) 67% респондентов указали, что судьба русских "труднее, чем у других народов". Об этом мотиве см.: *Гудков Л.* Комплекс "жертвы" // *Мониторинг общественного мнения...* 1999. № 3. С. 47-60.

ровой арене и др.*), — в сознании россиян укрепляется чувство принадлежности к "органическому" национальному целому ("народу"). Равно как усиливаются и ксенофобические **настроения**, будь то в адрес "этнических" чужаков (прежде всего чеченцев), будь то по отношению к "традиционному" стратегическому противнику — США, особенно в связи с событиями вокруг Югославии и Косова.

Видимо, в целом роль данного мифологического комплекса и русского пути как его элемента — служить механизмом психологической защиты и компенсации. Реальным мобилизационным значением, консолидирующей силой в политической и социальной жизни он, видимо, никогда не обладал, как не обладает и сейчас. Собственная функция этого "пути" состоит в том, чтобы обозначать саму форму главенствующей ценности российского самосознания — значения непринадлежности к общему миру, исключительности, нерационализируемости, недоступности ценностного ядра коллективного "я"/"мы" России и всех воплощающих ее символов и фигур (прежде всего, как уже говорилось, символов и фигур власти) для любых хоть сколько-нибудь определенных и внятных формулировок.

Метафора "пути" и есть способ экспонирования этой ключевой, доминантной ценности, как механизм "повторения" — символический барьер, обеспечивающий ее реализацию, смысловое усвоение. В высокое значимое "прошлое", в сферу "исторического" для наших условий всегда попадает то и только то, что повторяется. Иными словами, что совпадает с конструкцией основного, неразрешимого в каком бы то ни было практическом плане и потому мифологического конфликта: неспособность сделать выбор, стать собой и раз и навсегда извлечь урок из сделанного, причем сделанного индивидом лично (а не просто случившегося с ним, на него "свалившегося" и т.п.). Синдром повторения (редукция к бывшему, знакомому и потому кажущемуся понятным, "дежа вю") — ключевой механизм автоидентификации и самоутверждения в эпигонской культуре. Среди прочего это еще и ценностный фильтр, блокирующий значения нового и фигуры их потенциальных носителей-конкурентов.

В таком случае "русский путь" и есть функциональная конструкция истории как повторения, как мифологии, — конструкция постоянного переноса, бесконечной отсрочки поступка, уже-еще-не-действия, всегдашней промежуточности и переходности (либо символизирующей их возрастной незрелости, подростковости, молодости и пр.)**. В таком смысле подобный "путь" всегда "открыт". Он, можно сказать, вечен, поскольку представляет собой ностальгическую проекцию того же искомого целого,

* По данным ряда международных сравнительных исследований, в которых участвовал ВЦИОМ, показатели приверженности россиян к национальному целому (сознание себя русским) велики, гордость же их своей страной очень низка. Исключение — гордость отечественным спортом, искусством и литературой, наконец, своим прошлым, "историей"; ими гордятся больше трети населения. Вместе с тем по доле населения, гордящегося демократическими институтами и политическим влиянием своей страны, ее экономическими достижениями, системой социального обеспечения и т.п., Россия вместе с бывшими странами социализма занимает последние места в списке более 40 обследованных стран.

** См., впрочем: "Юность... Она метафизический дар... предназначение. Разве ты не слышал о немецком становлении, немецком странствии, о бесконечном пребывании в пути немецкой сущности? Немец... среди народов вечный студент, вечный искатель" (*Мани Т. Доктор Фаустус // Мани Т. Собр. соч. М., 1960. Т. 5. С. 154-155*). Можно предположить, что подобные формулировки — вполне стереотипная характеристика определенной фазы запоздалой модернизации, и без труда подобрать им параллели, например, в испанской или польской, венгерской или аргентинской культурах, где группы и кружки носителей соответствующих идеологий тоже будут описывать себя в категориях "нового" и "молодого".

только развернутую во внеэмпирическом, надвременном и внепространственном, чисто негативном плане — своего рода априорную "пустую форму", засасывающую любые определения. При отсутствии в культуре сколько-нибудь артикулированного уровня предельных ценностей и идеальных значений, при дефиците содержательного, осмысленного отношения к конечности человеческого существования, к смерти подобная сверхзначимая конструкция занимает место или симулирует функцию "запредельного" (связь подобных "фантомных болей" с другими антропологическими характеристиками российского человека, включая правовой нигилизм и бытовую агрессивность, — отдельная проблема).

Все это делает фигуру "пути" ведущим либо венчающим элементом в структуре национальной мифологии. Подобная ценностная идея (идеологическая форма) со всем ее суггестивным потенциалом входит в базовый сюжет национальной словесности и русского искусства последних полутора веков. Именно она предопределяет характеры основных героев и героинь, расстановку фигур спасителей и искушителей, врагов и помощников, развитие и оценку узловых ситуаций, сюжетные ходы и тупики. На отработке данного сюжетного узла формируется отечественная литературная классика ("русский роман", по исходной формулировке Мельхиора де Воюэ*), полумифологические представления об истории основной культуры — ее "золотом" и "серебряном" веках, основных веках, иерархии первых и вторых литературных "рядов". А дальше уже сама классика и представляющие ее избранные ретроспективно включаются в мифологизированный пантеон. В частности, в рамках описываемого мифологического комплекса совершенно исключительно символическое значение А.Пушкина — сверхавторитетной фигуры **родоначальника****.

Как уже говорилось, "пусковой механизм" всей обозначенной связки идей и символов — представление о "Западе". Таков один из механизмов негативного, внешнего побуждения/принуждения русского, российского, советского человека и коллективного целого ("народа") к действию наряду с чрезвычайными мерами власти **различных** уровней (аврал, нагоняй, взбучка и пр.). **Собственно**, "внутренняя" мотивация к действию, императивы действия для такого менталитета чаще всего представляются собой регрессию к историческому "предшествующим", **домодерным** разновидностям поведения. Это либо **традиционные** формы и нормы коллективного существования (вроде простых "семейных отношений" и "честного труда" крестьянского или фабрично-мастерского, **раннеиндустриального** типа в условиях лагеря, "шарашки", в позитивном; плане описанных, например, А.Солженицыным в "Одном дне Ивана Денисовича" и, напротив, крайне негативно; представленных в "Колымских рассказах" Шаламова), либо чисто аффективный выплеск, опять-таки **содержащий** в себе, как правило, негативный заряд, отторжение; и принижение "Другого" (и снова с нерационализируемой! мотивацией типа "авось", "а слабо тебе!", "да пропадите вы все" и т.д.).

Структура основного мифа двоична. Внутри него **задана** особая смысловая граница, отделяющая "нас" от "них" (в ряде исторических ситуаций, для некоторых групп роль этого разделительного барьера играет граница между Европой и Азией, отсюда вполне локальные, **узко-кружковые** и маргинальные по реальной значимости для!

* *Vogue EM.de. Le roman russe. P., 1886.* С этим сборником; эссе перекликалась книга его новелл "Русские сердца" (1893).

** См. об этом: *Дубин Б.В.* Словесность классическая и массовая // Что мы читаем? Какие **мы**?: Сб. науч. трудов. Вып. 3. СПб., 1999. С. 8-27.

общества идеи евразийства, скифства, туранского наследия). При этом наличие модального барьера дает возможности двойного прочтения окружающего и истории (двойного кода оценки и истолкования событий и действующих лиц), так что активизироваться может то одна, то другая позиция и соответствующая ей перспектива.

Наконец, именно действия "Запада" в их мифологическом преломлении оправдывают существование всех политических, военных, идеологических институтов по поддержанию границ российской державы, обеспечению ее безопасности*. Тут, в частности, возникает и характерная апелляция к промежуточному положению страны между Западом и Востоком**. Впрочем, образ Востока в подобной геополитической мифологии — точно такая же двойственная структура, как "Запад": Восток, Азия (прежде всего Китай, в какой-то мере Япония) предстают то враждебными России, поскольку она — часть Европы, "великая страна", входит в "большую восьмерку"; то, напротив, выступают воображаемым союзником России в ее экономическом, политическом, цивилизационном противостоянии Западу — прежде всего США. В любом случае отмеченной позицией остается именно "Запад". Образ "Востока" в таких уравнениях вторичен: он производное от соответствующих российских оценок "Запада"***.

В этой своей двойственности современный миф (и русский миф, в частности) выступает механизмом консервации культуры и общества. Парные образы себя и обобщенного "другого" моделируют до-модерные, простые, замкнуто-иерархические и неравноправные взаимоотношения, вообще говоря, характерные для традиционного, сословно-статусного или "закрытого" общества. А ценностный барьер, делящий мир на "наш" и "их", позволяет переключать оценки и смысл действий участников мифологического сюжета по собственному усмотрению, при всех смысловых перипетиях сохраняя доминирующую позицию за собой. "Другой" здесь не более чем превращенная фигура собственной несамостоятельности и несостоятельности.

Такая замкнутая парная конструкция — а по подобной модели конструируются идеологические пары типа "народ и власть", "интеллигенция и народ", "подлинные интеллигенты и образованщина" — как бы обосновывает сама себя. А потому несет в себе характеристики предопределенности, неотвратимой собственной "логики". Она закрыта от рационализации в принципе непроверяема и в этом смысле герметична. В нее можно быть только включенным (и тогда ты будешь причислен, признан, почувствуешь себя "своим") или не допущенным (и тогда ты "чужак"). Всегдашняя проверка на "своих"/"чужих" — одна из прагматических функций всякого мифа. Так же, как "закрытость" — характерная черта любых мифологических по-

* **Значения**, лежащие в основе деятельности этих институтов, поддерживаются, естественно, гораздо более широким социальным контекстом. См. об этом: Советский простой человек. С. 106-117; *Заннер М.* Диффузная воинственность в России // *Неприкосновенный запас.* 1999. № 1. С. 10-21.

** "На протяжении всей нашей истории мы, немцы, находились между Западом и Востоком", — пишет Альфред Вебер в 1921 г. (статья "Германия и Восток"), а через пять лет говорит о пребывании между Востоком и Западом как о "старом" и "роковом" для Германии историческом вопросе (*Вебер А.* Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 189, 155). Видимо, болезненное и вместе с тем миссионерское сознание своей лимитированности (постоянного пребывания на границе — между Западом и Востоком, между "цивилизацией" и "варварством") — такой же устойчивый штамп в идеологическом самоопределении наций на стадии запоздалой модернизации, как и подчеркивание своей молодости и "новизны", о которых шла речь выше.

*** См. об этом: *Гудков Л.* Динамика этнических стереотипов // *Экономические и социальные перемены...* 1995. № 2. С. 22-26.

строений. Миф по самой своей функции — отделять "чужих" и спланировать "своих" — как бы обращает и замыкает "внутри", он, можно сказать, центрирует. Он в принципе не содержит высоко обобщенных, предельно идеализированных символов и значений, ориентирующих человека на универсальные ценности.

Эти последние, если говорить об их функциях и работе, конституируют иные по своему принципу и устройству, сложные, многоуровневые символические конструкции. В их основе лежат позитивные образы "Другого", причем этот образ никогда не один, их обязательно несколько, и они не носят интегративного характера. Иначе говоря, они связаны с действиями такого типа, которые осуществляются за рамками первичных коллективов и аскриптивных общностей — семьи (и "семьи"), рода, клана и пр., почему и требуют разомкнутой и сложной, иными словами, принципиально динамичной системы ориентации, в которую входят уровни долговременных ориентиров, обобщенных норм, оперативных оценок и т.д.

И еще раз о границе. В принципе для социологии культуры семантика границы — и связанной с ней периферии, провинции, "глуши", "степи", "пампы" — задана символом или символами центра (т.е. наиболее важных, основополагающих и систематически воспроизводимых значений данного сообщества*), соотносена с ними и в этой соотносительности представляет условное целое. В данном, самом общем смысле, генетически и исторически связанном, конечно, с наиболее консервативными или даже архаическими пластами и значениями культуры, граница понимается как граница коллективной идентичности, отделяющая общее "мы" от столь же общего "они". Внесение же границы в "центр" (самоопределение через границу, определение своего общества, культуры, группы как пограничных) указывает на глубокую проблематичность коллективной идентификации, символический раскол или разрыв идентичности и представляет собой след идентификационной травмы, будь то исторической, либо периодически воспроизводящейся как своеобразный синдром**.

Подобный синдром сверхсосредоточенности на границе (можно сказать, "невроз границы") характерен для сознания образованных слоев в обществах так называемой "поздней" или "запоздалой" модернизации — обычно среди них называют Германию, Испанию, Италию, Россию, ряд стран Восточной Европы, Латинскую Америку (хронология модернизационных процессов в этих странах, понятно, во многом разная). Различная конфигурация этих элитных и протоэлитных групп, их отношений с основными подсистемами общества, различия в исторической обстановке модернизационного старта и другие обстоятельства определяют различия в том, как данный "комплекс" будет исторически "разгружаться" и где будет проведена символическая граница (т.е. какие области и слои значений она будет со- и противопоставлять). Скажем, для Германии это среди многого прочего развернется в идею *Lebensraum*, для Испании — в проблематику империи (колонии и метрополии), глубинной "интраистории" и поверхностной официальной истории, "внутренней" границы и "двух Испании" (не говоря уже о мусульманской и иудаистской составляющей испанской культурной традиции, которых я сейчас не касаюсь) и т.д. Сценарии подобной символической разгрузки можно показать, например, на сюжетике и имажинарии национальных литера-

* См.: *Левада Ю.А.* Статьи по социологии. М., 1993. С. 42-44.

** Серия работ об историческом значении границы для консолидации национального целого появилась в 90-е годы в Германии и Польше.

тур — здесь открывается поле для комплекса междисциплинарных разработок^{1*}.

Советская ситуация 30-50-х годов и конца 60-80-х годов (периодов кристаллизации социокультурной системы и начала ее эрозии, разложения, распада) как бы наследует мифологию имперской миссии и враждебного окружения, складывавшуюся в России в 70-80-х годах XIX в. Советская гуманитарная интеллигенция (в своей массе представленная государственной бюрократией репродуктивных систем) оттеснена от центров власти и самостоятельных решений, существуя в "закрытом" вовне, крайне примитивном и не динамичном по своей внутренней организации обществе, которое построено на централизованном дефиците и распределении большинства важнейших ресурсов, включая культурные (символические). Отношения с символическим центром общества (властным "мы") и внешним окружением ("ими", Западом) принимают для интеллигенции особый вид и нагружаются особой значимостью, составляя часть легенды о собственном высоком предназначении^{2*}.

В коллективном сознании, коллективной мифологии, всеобщей мифологии коллективного целого, разрабатываемой образованным слоем, его ведущими группами, это, с одной стороны, выражается в умножении символических границ, барьеров "внутри" самого сообщества и его культуры. Скажем, предельная проблематичность российской идентичности, самих принципов и форм идентификации представлена в художественной словесности, как соединение в одной, причем любой, точке России признаков центра, даже центра мира, и периферии, глуши, окраины, вездесущести и несуществования. Такова формула-апория одного из персонажей "Ревизора": "...отсюда, хоть три года скачи, ни до одного государства не доедешь"^{3*}, — казалось бы, признак центра (предельная отдаленность от окраин), а вместе с тем символ полной глухомани (отсутствие границ). Но это именно та ценностно-парадоксальная, мифологическая ситуация, когда, скажем, Пермь — это для коллективного (прежде всего интеллигентского) сознания и мировое средоточие, начало истории, и вместе с тем окраина света^{4*}, когда в центре мира — Старая Русса^{5*} и т.п. С.-Петербургу как "окну в Европу" может при этом соответствовать, например, Челябинск как "окно в Азию"^{6*} и т.д. "Шестая часть земли с названным кратким Русь" вместе с тем квалифицируется — и с опорой на ничуть не менее значимые литературные образцы — как "географическое ничто", "морок" и т.д.^{7*}

1* *Frontières et limites*. P., 1991; *Di Meo G.* Géographie sociale et territoires. P., 1998; *Куншер Г.* Постоянство "идеи границы" в американской мысли // Новый взгляд на историю США. М., 1993. С. 136-151.

2* См.: *Гусейнов Г.* "Карта нашей родины": Идеологема между словом и телом. Helsinki, 2000.

3* *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1967. Т. 4. С. 10.

4* Обширный материал представлен в работе: *Абашев В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. С. 102-134.

5* См.: *Русская провинция: Миф-текст-реальность*. М; СПб., 2000. С. 334-346.

6* Там же. С. 347-361.

7* *Подорога В.* Простирание, или География "русской души" // *Пространства России*. Образ страны: Хрестоматия по географии России. М., 1994, С. 131. Сравните сквозные в этой книге мотивы *наваждения*, дурного сна, неотвязной скуки и заколдованной, бесовской ходьбы по кругу, потери пути (*А.Пушкин*. "Бесы", "Метель" и др.). Призрачность столичного Петербурга — хрестоматийный мотив русской словесности и изобразительного искусства. Москва — столица уже сталинской эпохи, как лабиринт дурного и безысходного сна представлена в романах Б.Хазанова. Современные писатели (*О.Славникова*, *И.Клех*) подчеркивают мотивы химеричности, "чувство своего исчезновения" уже в постсоветском пространстве Урала и Западной Украины; см.: *География литературы* // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 299; 333 и др.

Но вслед за дихотомией Европы и Азии (Запада и Востока, столицы и глубинки, города и степи) в сознании образованных слоев, а затем и подтягивающихся к ним групп культурной периферии возникают, взаимодействуют и вытесняют друг друга дихотомии "власти" и "народа", отчетной и теневой экономики, официальной и "второй" культуры и т.д. Подчеркну, что все эти протейшие мифологизированные дихотомии деформируют и тормозят общественное осознание реальной дифференциации социума. Более того, можно думать, что под их воздействием задерживаются, деформируются и реальные процессы социокультурной динамики общества. Можно сказать, что чем сильнее в обществе стерты реальные границы между относительно самостоятельными группами и институтами, тем выше в нем значимость как внутренних, так и внешних мифологических границ, включая главную символическую границу между "нами" и "ними". Парадокс в том, что вопрос о "внутренней границе" (двусоставности русской культуры, "самой природы русского человека") сейчас, да и обычно, идеологически возбуждают именно те группы, которые претендуют на представительство всего национального целого и демонстративно озабочены единством, даже монолитностью этого целого. Это вновь указывает на ту же симптоматическую структуру описываемого здесь базового синдрома.

Иными словами, конструкцию "русского пути" можно описать как функциональный синтез разноуровневых и разных по рабочему смысловому заданию значений отчужденности (самоотчуждения, вневходимости, изоляции); раздвоенности ("внутренней" границы, проблематичности самоидентификации); повторения (редукции к уже бывшему) и пассивного, подопечного ожидания (а соответственно, потребности в "сильной руке"). Раздвоенность, кентаврность подобного сознания — компенсаторный механизм культуры, не способной к позитивному взаимодействию с другими (обобщенным "Другим"). По мере исчерпания или стирания, изнашивания к нынешнему времени исходных для образованного слоя противопоставлений типа "интеллигенция — власть", "интеллигенция — народ" в последнее время активизируется другая травматическая составляющая коллективной идентичности: "мы — Запад", что, в свою очередь, ревитализирует символику мнимой принадлежности России к "Востоку". И все это, заметим, разворачивается на фоне и в контексте вполне реальной массовой ксенофобии по отношению к исламскому миру, народам Северного Кавказа, при политике явной государственно-номенклатурной сегрегации мигрантов из Китая и Кореи на реальном постсоветском Востоке — в Восточной Сибири, в Приморье (сравните приобретший циклопическую значимость, а потому неразрешимый для России вопрос об островах Курильской гряды). "Восток" тут и теперь символизирует уже не столько территорию, пространство колонизации (коррелятивную с ценностно-пустым "я" фигуру "другого" как "никакого", находящегося вне каких бы то ни было позитивных определений, "просто чужого" — "степь", "ургу"), сколько неопределенность, промежуточность нынешнего состояния и положения России. Назовем его атопией после краха утопии.

И последнее: о том, что, собственно, есть Запад, а что — Восток. Отвечая в 1999 г. (N=1600 человек) на вопрос "Где, на Ваш взгляд, проходит восточная граница Европы?", 29% наших респондентов выбрали ответ-подсказку — "по Уральским горам", 12% — "по западной границе России", 16% — "по западной границе бывшего СССР" и 6% — "по западной границе Польши, Чехии, Венгрии". Самая большая группа (37%) затруднились с ответом.